

*Джеймсу Брэнчу Кэбеллу
и Джозефу Хергесгеймеру**

* Джеймс Брэнч Кэбелл (1879—1958) и Джозеф Хергесгеймер (1880—1954) — американские писатели, весьма ценимые С. Льюисом.

Вот городок в несколько тысяч жителей, среди полей пшеницы и кукурузы, молочных ферм и рощ. Это — Америка.

В нашем рассказе городок называется Гофер-Прери, штат Миннесота. Но его Главная улица — это продолжение Главной улицы любого другого городка. История наша была бы той же в Огайо или Монтане, в Канзасе, Иллинойсе или Кентукки, и немногим изменилась бы она в штате Нью-Йорк или на холмах Каролины.

Главная улица — вершина цивилизации. Для того, чтобы вот этот форд мог стоять перед галантерейным магазином, Ганнибал вторгнулся во владения римлян и Эразм писал свои трактаты в монастырях Оксфорда. То, что бакалейщик Оле Йенсон говорит банкиру Эзре Стоубоди, должно быть законом для Лондона, Праги и никому не нужных островов, затерянных в океане. То, чего Эзра Стоубоди не знает и не одобряет, — это ересь, которую ни к чему знать и над которой не подобает размышлять. Наша железнодорожная станция — высшее достижение архитектуры. Годичный оборот Сэма Кларка, торговца скобяным товаром, — предмет зависти всех четырех округов, составляющих Благословенный край.

Во «Дворце роз» идут утонченно чувствительные фильмы; в них есть мораль и благопристойный юмор.

Таковы основы наших здоровых традиций; таков наш незыблемый символ веры. И разве не выказал бы себя чуждым американскому духу циником тот, кто изобразил бы Главную улицу иначе или смутил граждан предположением, что возможен и иной символ веры?

Глава первая

I

На одном из холмов над Миссисипи, где два поколения назад кочевали индейцы-чиппева, стояла девушка. Ее фигура четко вырисовывалась на фоне василькового северного неба. Индейцев она уже не видела. Она видела мукомольные заводы и мерцающие окна небоскребов в Миннеаполисе и Сент-Поле. Она не думала ни об индианках, ни о краснокожих носильщиках, ни о белых скупщиках пушнины, чьи тени витали вокруг нее. Мысли ее были об ореховой пастиле, о пьесах Брие, о том, почему стаптываются каблуки, и о том, что преподаватель химии обратил внимание на ее новую, закрывающую уши прическу.

Ветер, пролетевший тысячи миль над возделанными нивами, раздувал на ней юбку из тафты, создавая линии столь грациозные и полные такой живой и динамичной красоты, что сердце случайного наблюдателя на дороге сжалось бы от задумчивой грусти при виде этой воздушности и свободы. Она подняла руки, откинулась назад под ветром; ее платье развевалось и трепетало, из прически выбилась

прядь волос. Девушка на вершине холма. Доверчивая, восприимчивая, юная. Впивающая воздух с такой же жадностью, с какой она готова была впитывать жизнь. Извечная грустная картина чего-то ожидающей молодости.

Это Кэрол Милфорд, убежавшая на часок из Блуджет-колледжа.

Дни пионеров, дни сельских красоток в капорах и медведей, которых убивали на вырубках топорами, ушли в прошлое еще дальше, чем Камелот. И теперь дух этой мятущейся страны, которую называют американским Средним Западом, олицетворяет своенравная девушка.

II

Блуджет-колледж находится на окраине Миннеаполиса. Это оплот здоровой религиозности. Он все еще борется с новомодными ересями Вольтера, Дарвина и Роберта Ингерсолла*. Благочестивые семьи Миннесоты, Айовы, Висконсина, Северной и Южной Дакоты посылают сюда своих детей, и Блуджет оберегает их от развращающего влияния университетов. Из его стен вышло много милых девушек, молодые люди — любители пения и даже одна учительница, которой нравятся Мильтон и Карлейль. Так что четыре года, которые провела здесь Кэрол, не пропали даром. Небольшие размеры школы и малочисленность соперников позволяли ей свободно проявлять свою опасно многостороннюю натуру. Она играла в теннис, устраивала скромные вечеринки, участвовала в специальном семинаре по изучению драмы, флиртвала, состояла членом десят-

* Роберт Ингерсолл (1833—1899) — американский философ, критик христианства.

ка обществ, занимавшихся разными искусствами и усвоением тех сложных вещей, которые называются «общей культурой».

В ее группе были две или три девушки красивее ее, но не было ни одной более увлекающейся. Она выделялась усердием и в занятиях, и в танцах, хотя среди трехсот студентов Блджета многие отвечали лучше или танцевали бостон более плавно. Каждая клеточка ее тела — тонкие запястья, нежная, как айвовый цвет, кожа, наивные глаза, черные волосы — все это было полно жизни.

Другие девушки в дортуре удивлялись ее миниатюрности, когда видели ее в неглиже или выбегающей из-под душа. Тогда она казалась вдвое меньше, чем можно было предположить, прямо хрупкий ребенок, нуждающийся в бережной заботе и ласке. «Неземная натура, — шептали о ней подруги. — Утонченная душа». Но она сама излучала столько энергии, так смело и уверенно тянулась навстречу всему доброму и светлому, что была куда подвижнее и неутомимее тех неуклюжих девиц в рубчатых шерстяных чулках на толстых икрах и синих спортивных костюмах, которые с топотом скакали по гимнастическому залу на тренировках Блджетской женской баскетбольной команды.

Даже когда она бывала утомлена, ее темные глаза внимательно следили за окружающим. Она еще не знала, как бессознательно жесток и высокомерно туп может быть мир, но если бы ей и пришлось столкнуться с этими его мрачными свойствами, ее взгляд не стал бы от этого ни скучным, ни угрюмым, ни слезливо страстным.

Несмотря на всю восторженность Кэрл, несмотря на ее привлекательность, в нее хоть и влюблялись, но побаивались ее. Даже когда она с особым увлечением пела гимны или замышляла какую-ни-

будь выходку, она все-таки сохраняла вид слегка надменный и скептический. Правда, она была доверчива — прирожденная обожательница героев; но она непрестанно все проверяла и исследовала. Чем бы она ни стала в дальнейшем, она никогда не была бы пассивной.

Разнообразие ее интересов постоянно заводило ее в тупик. По очереди она открывала в себе то замечательный голос, то талант к игре на рояле, то драматические способности, то писательские, то организаторские. Она неизменно разочаровывалась, но всегда воспламенялась снова и увлекалась то студентами-добровольцами, готовившими себя в миссионеры, то писанием декораций для драматического кружка, то хлопотами о рекламе для издававшегося в колледже журнала.

Особенно неотразима она была однажды в восресенье, когда играла в церковном оркестре. Из глубины сумрака ее скрипка подхватывала тему органа, и отблеск свечей обрисовывал девушку в ее прямом, золотистом платье, со смычком в изогнутой руке, со строго сжатыми губами. В тот день все мужчины были увлечены религией и Кэрл.

На последнем курсе она стала всерьез задумываться над тем, как все ее многочисленные начинания и частичные успехи могли бы пригодиться ей в будущей карьере. Каждый день на ступенях библиотеки или в зале главного здания колледжа студентки толковали о том, что они будут делать по окончании курса. Девушки, которые были уверены, что им просто предстоит выйти замуж, с серьезным видом рассуждали о шансах на успех в деловом мире. Те же, которые знали, что им придется работать, намекали на мифических женихов. Что касается Кэрл, то она была сирота. Единственной близкой ее родственницей была сестра, слащавая особа, жена оп-

тика из Сент-Пола. Большую часть денег, оставшуюся от отца, Кэрол уже истратила. И она не была влюблена, то есть влюблялась нечасто и ненадолго. Она собиралась жить своим трудом.

Но что это будет за труд, как она завоюет мир — главным образом для блага самого мира, — ей было неясно. Большинство еще не помолвленных девушек предполагали пойти в учительницы. Их можно было разделить на два разряда; на легкомысленных молодых особ, заявлявших, что они бросят «мерзкую классную комнату и чумазых детей» в ту же минуту, как им представится случай выйти замуж, и на прилежных дев, широкобровых и пучеглазых, которые во время молитвы просили Бога «направить их стопы по стезе полезного служения». Ни те, ни другие не привлекали Кэрол. Первые казались ей неискренними (в ту пору это было ее излюбленным словечком). Серьезные же девицы своей верой в спасительную роль латинской грамматики могли, по ее мнению, наделать зла не меньше, чем добра.

Несколько раз на последнем курсе Кэрол окончательно решала то изучать юриспруденцию, то писать киносценарий, то сделаться сестрой милосердия или же выйти замуж за неведомого героя.

Потом ее коньком стала социология.

В колледже появился новый преподаватель социологии. Он был женат и поэтому «табу»; но он приехал из Бостона, он жил среди поэтов, социалистов, евреев и меценатствующих миллионеров в университетском квартале Нью-Йорка, и у него была красивая, белая, сильная шея. Он водил хихикающий класс по тюрьмам, благотворительным учреждениям и конторам по найму в Миннеаполисе и Сент-Поле. Бредя в хвосте группы, Кэрол возмущалась бестактным любопытством других, их манерой разглядывать бедняков, как зверей в зоологическом

саду. Поднеся руку ко рту, она больно пощипывала нижнюю губу, сердясь и с удовольствием ощущая себя не такой, как другие, а истинной поборницей свободы.

Ее однокурсник Стюарт Снайдер, неглупый плечистый парень в серой фланелевой рубашке, порывом черном галстуке бабочкой и форменной зеленой с красным фуражке, проворчал, когда они плелись за другими по грязи скотных дворов Сент-Пола:

— Надоело мне это школьное дурачье. И чего они так задаются! Поработали бы на ферме, как я! Даже эти рабочие выше их на целую голову.

— А я люблю простых рабочих, — оживилась Кэррол.

— Только вы не должны забывать, что простые рабочие вовсе не считают себя «простыми»!

— Вы правы. Извините!

Кэррол подняла на него глаза, сиявшие восторгом самоуничижения.

Ее глаза с любовью взирали на мир. Стюарт Снайдер покосился на нее. Он порывисто сунул в карманы свои большие красные кулаки, потом так же порывисто выдернул их обратно, наконец решительно разделался с ними, заложив руки за спину, и пробормотал, запинаясь:

— Я знаю. Вы понимаете людей. А большинство наших... Послушайте, Кэррол, вы могли бы много сделать для людей.

— Как?

— М-м-м... ну, скажем... проявляя к ним сочувствие и вообще... если бы вы... например, если бы вы были женой адвоката. Вы понимали бы его клиентов. Вот я собираюсь стать адвокатом. Я готов признать, что иногда у меня не хватает сочувствия к другим. Я бываю с людьми до того нетерпелив, что еле переносу весь этот балаган. Вы были бы счастье-

ем для слишком серьезного по натуре человека. Вы сделали бы его более... как бы это сказать... более отзывчивым!

Его слегка выпяченные губы и глаза мастифа умоляли ее позволить ему продолжать. Но она уклонилась от его слишком бурных излияний, воскликнув:

— Взгляните-ка на этих несчастных овец! Ведь их тут целые миллионы.

И она поспешила вперед.

Стюарт не интересовал ее. У него не было красивой белой шеи, и он никогда не вращался в среде знаменитых реформаторов. Ей вдруг захотелось жить где-нибудь в предместье, в келье, как монахини — только чтобы не надо было носить черную рясу, — быть доброй, читать Бернарда Шоу и усиленно просвещать целую армию благодарных бедняков.

Дополнительное чтение социологической литературы натолкнуло ее на книгу об улучшении жизни в небольших городах — о зеленых насаждениях, о любительских спектаклях и клубах для девушек. В книге были фотографии газонов и садовых изгородей во Франции, Новой Англии, Пенсильвании. Она взялась за эту книгу небрежно, с легким зевком, который с изяществом кошечки прикрыла кончиками пальцев.

Но вот она погрузилась в чтение, усевшись под окном, подобрав стройные, в тонких чулках, ноги и подперев коленями подбородок. Читая, она поглаживала атласную подушечку. Ее окружало изобилие украшений, затоплявших каждую комнату Блуджет-колледжа. Обитый кретоном диванчик в оконной нише, фотографии студенток, гравюра Колизея, маленькая жаровня и десятки подушечек, вышитых, отделанных бисером, разрисованных. Совсем не к месту казалась здесь миниатюра «Танцующей вакханки» — единственный след пребывания в этой

комнате самой Кэрол. Все остальное она унаследовала от прежних поколений учащихся.

Для нее этот трактат об улучшении жизни в городках был как бы частью окружающего ее мещанского быта. Но вдруг она перестала отвлекаться, целиком ушла в книгу и прочла ее до половины, прежде чем трехчасовой звонок позвал ее на урок английской истории.

Она вздохнула. «Вот и дело для меня после колледжа! Я примусь за какой-нибудь из этих городков в прериях и сделаю его прекрасным. Буду его вдохновительницей. Для этого, пожалуй, всего проще стать учительницей... но не такой учительницей, как они... Я не хочу тупой зубрежки... Почему на Лонг-Айленде все пригороды можно было превратить в сады? И почему ни одна душа не подумала о безобразных городишках здесь, на Северо-Западе? Тут знают только молитвенные собрания да детские библиотеки. Я заставлю разбить в городе бульвар, построить изящные коттеджи и проложить красивую Главную улицу».

С торжествующим видом сидела она на уроке, представлявшем собой типичное для Блджета состязание между скучным преподавателем и непослушными двадцатилетними детьми. Победителем выходил преподаватель, так как его противникам приходилось отвечать на вопросы, тогда как их коварные ловушки он всегда мог обойти встречным вопросом: «А вы справлялись об этом в библиотеке? Нет? Тогда, может, попробуете справиться?»

Преподаватель истории раньше был священником. В этот день он был настроен саркастически. Он обратился к Чарли Холмбергу, поглощенному интересной забавой:

— Ну, Чарльз, я, пожалуй, позволю себе прервать вашу несомненно увлекательную охоту за этой

зловредной мухой и попрошу вас рассказать, что вы знаете о короле Иоанне!

Затем он в течение трех приятных для него минут убеждался в том, что никто из группы не помнит точной даты Великой хартии вольностей.

Кэрол не слушала его. Она заканчивала крышу над полукирпичным зданием городской ратуши. В городке нашелся один человек, не оценивший ее проекта извилистых улиц и аркад, но на заседании муниципального совета она разбила своего противника в пух и прах.

III

Кэрол плохо знала городки в прериях, хотя и родилась в Миннесоте. Ее отец, улыбающийся и небрежно одетый, ученый и насмешливо-ласковый человек, был родом из Массачусетса. Все годы ее детства он был судьей в Манкейто — городке, отнюдь не типичном для прерий; тенистыми улицами, живописным сочетанием белого и зеленого он напоминает скорее Новую Англию. Манкейто расположен между горами и рекой Миннесотой, близ Тропы Сиу, где первые поселенцы заключали договоры с индейцами, а похитители скота во весь опор удирали от гнавшихся за ними конных отрядов.

Карабкаясь по крутому берегу этой темной реки, Кэрол жадно слушала ее сказки о широких просторах Запада, о желтой воде и белых бизоньих костях; о пристанях, о поющих неграх и высоких пальмах на Юге — там, далеко, куда из века в век таинственно катятся эти воды. Кэрол слышала тревожный колокол и тяжелое пыхтение высокотрубных речных пароходов, шестьдесят лет назад терпевших крушения на песчаных милях. На палубе она видела мис-